

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА ТАДИНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Российская Федерация)
ntadina@yandex.ru

ТЕНГИС СТЕПАНОВИЧ ЯБЫШТАЕВ

аспирант кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Российская Федерация)
teng7891@mail.ru

«ТЮРКИ ПО ЯЗЫКУ, ФИННО-УГРЫ ПО ОБЛИКУ»: ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ*

Рассматривается конструирование этнической идентичности северных алтайцев (тубаларов, челканцев, кумандинцев) и то, как социальные акторы движения возрождения (этнические лидеры, Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай) актуализируют «финно-угорскую» общность северных групп в качестве отличия от южных алтайцев. В легитимизации «финского типа» опираются на записи первых путешественников, постсоветские научные сборники и на сайты Интернета, посвященные северным группам. Их «другой» образ «отдельного этноса» подкреплен своеобразным составом сёоков-родов, антропологическим уральским типом и диалектом, сложившимся под угро-самодийским влиянием. Невысокая численность, утрата основных черт традиционной культуры, рост числа смешанных браков способствуют этническому размытию. Развернувшийся этнокультурный дискурс стал политикой создания коллективных идентичностей тюркоязычных групп алтайцев. Это сообщество, традиционное в своей основе, давно встало на путь неизбежной модернизации в виде русификации и европеизации, усвоения этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения. Сложности внутриэтнических отношений групп алтайцев указывают на необходимость выработки общей стратегии возрождения на фоне этнокультурного дискурса.

Ключевые слова: алтайцы, северные группы, этническое возрождение, языковая проблема

В Республике Алтай на волне этнического возрождения алтайцев особое значение стало придаваться не языковому родству южных и северных групп, а своеобразному «финскому» типу последних. Термин «финно-угры / финский» используется в контексте определения этнического сообщества северных алтайцев (тубаларов, челканцев и кумандинцев). У южных алтайцев (алтай-кижи и теленгитов) важным остается родовая структура, принадлежность к патрилинейному сёоку-роду, функционирование обычаев экзогамии и авункулата. Испытав в наибольшей степени влияние православия, обрусевшие северные алтайцы в своем южном этническом окружении предстали как маргиналы, прозванные «туба». Их «другой» образ подкреплен своеобразным составом сёоков-родов, антропологическим уральским типом и диалектом, сложившимся под угро-самодийским влиянием. Развернувшийся этнокультурный дискурс стал политикой создания коллективных идентичностей тюркоязычных групп алтайцев.

В записях путешественников XIX века отмечены особенности внешности северных алтайцев. Г. П. фон Гельмерсен, посетивший Алтай в 1834 году, поразила сходство кумандинцев с финнами, поэтому порою «забывал», у какого

озера находится – Телецкого или Ладожского в Новой Финляндии. В кумандинской одежде он увидел подобие мордовских и черемисских костюмов, а во внешности – сходство с чухонцами: безбородые скуластые лица с прямыми светлыми волосами и полуприкрытыми глазами [12; 26].

В. В. Радлов, изучавший язык и этнографию алтайцев в 1860–70-е годы, заметил, что южные алтайцы называют северных «*йыш кижы*» (лесной человек, таежник) и «*туба*»: «...здешние туба – потомки древних самоедских дубо» [8; 215]. Его мнение о самодийском влиянии в этногенезе северных алтайцев, выявленном на основе этнонимов, нашло подтверждение. Н. М. Ядринцев в 1880 году заметил, что северные алтайцы «по типу весьма отличаются от алтайцев и теленгитов и причисляются к финским народностям, когда-то смешавшимся с алтайскими тюрками» [14; 101]. По заключению А. М. Ярхо, алтае-саянские тюрки, в том числе северные алтайцы, имеют сложный антропологический состав, не сводимый к одному типу, и представляют собой тип, переходный от уральской расы к южносибирской и центральноазиатской [14].

Л. П. Потапов, ведущий советский алтаевед, видел в северных алтайцах не только тюркизи-

рованных самодийцев и угров. В качестве доказательств он отметил общность лодок, ручных нарт, лыж и другого снаряжения северных алтайцев и самодийских народов. К примеру, распашная одежда кумандинцев и челканцев такая же, как и верхняя одежда сургутских хантов [7; 311]. Кумандинцы, как древнейшие жители Алтая, развили культуру на основе скотоводства [5; 322]. Древняя охотничья культура северных алтайцев с ее шаманскими культами связана с самодийской и угорской. Л. П. Потапов осветил древнетюркскую основу культуры северных алтайцев. Умение добывать руду и плавить железо тубалары переняли от древних тюрок [6; 59]. Челканцы, называемые «куу кизи» (люди р. Лебедь, лебединцы), по составу родов ближе к тубаларам, с которыми имеют экзогамные группы [7; 312].

На основе историко-этнографических сведений формируются взгляды на прошлое. Популярными конструктивистские теории пришли на смену некогда мощной примордиальной концепции, в рамках которой алтайские группы еще в советское время были признаны единым народом. В постсоветский период северные алтайцы обрели статус этноса. Согласно этнонациональному дискурсу, они «не алтайцы», а «другие» – «родня финнам через самодийцев и угров» и имеют «финские корни». В 1993 году кумандинцы, а затем в 2000 году тубалары и челканцы вошли в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В связи с этим появилась необходимость обосновать статус нового этноса и тогда на помощь пришел научный мир. Начиная с 2000 года о каждой группе северных алтайцев были изданы сборники статей и извлечений из редких книг [2], [12], [13]. Издания подобного рода стали опорой для конструктивистских идей. Участвующие в этом этнографы стараются обосновать новый статус северных алтайцев, желая «восстановить историческую справедливость», «исправить ошибки советской науки», «уравнять малочисленные группы Северного Алтая». Идею удревнения истоков этногенеза до «куманов и динлинов» можно рассматривать как стремление к архаизации: «В антропологическом типе кумандинцы сохранили европеоидные черты древнего населения Сибири» [2; 3].

На сайте «Кумандинцы на Алтае» освещаются проблемы северных алтайцев. Авторы сайта обнаруживают стремление развить интерес к истории, культуре и языку кумандинцев и донести его до пользователей. Здесь есть иллюстративный материал по культурному наследию кумандинцев и содержится множество ссылок на подобные сайты. Презентация трех групп северных алтайцев в интернет-ресурсах представляет размноженную версию. В ней подчеркивается угро-самодийская основа культуры: «...этно-

графическое своеобразие материальной и духовной культуры кумандинцев имеет много общего с их северными соседями – хантами, манси, селькупам и кетами» [3]. Истоки этногенеза северных алтайцев прослеживаются в археологических культурах. Такая архаизация должна объяснить особенности физического облика северных алтайцев, в котором «сочетаются черты, свойственные европеоидам и палеосибирским народам уральской расовой группы». На общем фоне сведений иначе расставлены акценты: нет привычного упора на традиционном типе хозяйства и верованиях. Запоминается описание внешнего вида северных алтайцев: «У тубаларов монголоидность основных антропологических признаков выражена гораздо слабее: у них наличествуют европеоидные признаки, т. е. встречаются светловолосые и светлоглазые типы» [3]. Их «правильный» облик, близкий прозападному миру, перекочевал на туристские сайты.

Таким образом, критерием этнической принадлежности у русских является внешность, а у алтайцев – знание родного языка. В результате интенсивной ассимиляции северные алтайцы находятся в промежуточном состоянии: между южными алтайцами, отвергающими их из-за незнания родного алтайского языка, и русскими, не принимающими как людей другого этнического происхождения, иной внешности, хотя и говорящих по-русски [11].

Около трех веков назад расселенные в предгорье северные группы первыми из алтайцев были вовлечены в русскую среду. Они оказались включенными в сложные процессы интеграции в российское государство, и как следствие – в процессы христианизации, которые заключались не только в смене веры, но и в целом комплексе социальных и культурных практик, таких как образовательная политика, формирование новых поселений для новокрещенных. Неслучайно первая интеллигенция сложилась из тубаларов, имена которых составляют гордость национальной культуры алтайцев. Это сказители Н. Улагашев и К. Тадыжеков, общественные деятели П. А. Чагат-Строев и В. Т. Тибер-Петров, династии купцов-меценатов Тобоковых и просветителей-художников Чевалковых. Сегодня потомки обрусевших тубаларов считаются русскими, хотя и носят алтайские фамилии.

В советской этнографической школе ряд положений основывался на эволюционно-историческом понимании этничности. Для научных понятий были найдены алтайские эквиваленты: «сёок» – это род, считавшийся пережитком. В категорию «племя» вошли группы северных и южных алтайцев. Эволюционный процесс должен был привести к распаду «родовых и племенных групп» и объединению их в «народность». Создание этнокультурного дискурса было бы невозможным без общего языка, каким явился

южно-алтайский язык, и убеждения об общем происхождении, при этом «финский тип» северных алтайцев был неважен. В рамках примордиальной концепции этнотерриториальные группы были признаны единым народом – алтайцами. Вследствие того что в перспективе все народы страны сольются в единую общность, знание родного языка оказалось неважным. Обрусевшие алтайцы стеснялись говорить на родном языке, особенно в общественных местах. Престижным считалось знать русский язык и говорить на нем без акцента. В 1970-х годах развернулась политика сокращения национальных школ и ликвидации «неперспективных» деревень – исчезли 60 из 80 тубаларских сел [6].

В последние годы введено преподавание алтайского языка с учетом диалектных особенностей. Лишь малая доля северных алтайцев пассивно владеет родным языком: понимают, о чем говорят, но отвечают по-русски, объясняя тем, что «так удобно» и «понятным является русский язык». Немногие используют родной язык в повседневной жизни – лишь лица старше 50 лет. В основном это те, кто в послевоенные годы учился в г. Горно-Алтайске: тогда было тесное общение с южными алтайцами и в ходу были книги с произведениями алтайских писателей. Это поколение трилингвов предлагает свое решение «языковой» проблемы путем издания журналов, книг со сказками, песнями на родном диалекте, создания радио- и телепередач, что поднимет престиж и расширит сферу употребления языка. Однако эти пожелания не отвечают реальной жизненной действительности, в которой книга вытеснена виртуальным миром (электронными текстами, мультфильмами, компьютерными играми, Интернетом), где популярность приобретает английский язык.

В начале 1990-х годов кумандинский, челканский и тубаларский языки были занесены в Красную книгу языков России. Среди главных назревших проблем северные алтайцы называют языковую, решение которой позволит им стать равными с южными алтайцами. Предполагается, что «оживление» их диалектов позволит сохранить многое – терминологию и фольклорные тексты, промыслы и ремесла. Решение проблемы многие видят в преподавании алтайского языка в школе по опыту южных алтайцев. В их моноэтнических селах в начальной школе преподают на родном языке, а затем на русском, при этом алтайский язык и алтайская литература остаются. Северные алтайцы, живущие в смешанных селах, учатся в школах с русским языком обучения. По результатам социолингвистического опроса, проведенного среди тубаларов местными языковедами, примерно треть анкетированных считает целесообразным использовать во всех классах средней школы родной язык [7]. Столько же информантов высказываются за русский

язык, треть опрошенных указывают на необходимость вести обучение на двух языках. В школах преподается русский язык и иностранный, в основном английский, а алтайский язык введен факультативно. Фактически его преподавание происходит эпизодически, но для освоения языка необходимо общение. В семейной и родственной среде родной язык не звучит, и поэтому дети его не знают. Такая ситуация приводит к отказу учить алтайский язык, что родители объясняют большой загруженностью детей в школе. На самом деле они не видят необходимости в изучении родного языка и исходят из соображений престижа русского языка для упрощения адаптации в русскоязычном коллективе, получения качественного образования и возможности благополучной карьеры.

В результате интенсивной ассимиляции утрачивается этническое «я». Происходит депопулизация северных алтайцев: по данным переписей 2002 и 2010 годов, прироста их численности не произошло. В Республике Алтай челканцев насчитывается 0,9 тыс. чел., тубаларов – 1,6 тыс. чел., а кумандинцев – около 1 тыс. чел. (в Алтайском крае – 1,7 тыс. чел., Кемеровской области – 0,3 тыс. чел.) [3]. В это число вошли дети от смешанных браков и члены их семей, относящиеся к русским, но пожелавшие стать представителями коренных малых народов Севера (КМНС). Об этом можно судить, побывав на Съезде КМНС республики, где кроме северных алтайцев присутствуют метисы и родственники из русских. Свою этническую принадлежность они объясняют так: «я по матери русский, а по отцу тубалар», «у меня бабушка была кумандинкой», «мой муж челканец, значит, наши дети челканцы, ну и я записалась челканкой». С целью установления национальности обращаются в суд, даже в обыденной речи появилось выражение «сделать КМНС».

За двойной идентичностью стоит трансформация понимания этничности. Один из «новых» тубаларов, родом из местных русских, объяснил так: «Теперь быть тубаларом означает не только “антропология” (в смысле внешность), как было раньше, а условия совместного проживания с тубаларами и та же среда обитания, в которой ощущаешь себя таким же тубаларом». «Новые» северные алтайцы не стремятся знать один из диалектов, а желают получать льготы, полагающиеся КМНС России: квота при зачислении в вуз и другие учебные заведения, получение стипендии и общежития, освобождение от налогов на землю, бесплатная заготовка дров и строительного леса, получение охотничьего билета, выход на пенсию раньше на 5 лет (мужчины в 55 лет, женщины в 50 лет).

Перечисленные меры направлены на улучшение низкого уровня жизни северных алтайцев, когда семья безработных вынуждена жить на

детское пособие или пенсию инвалидов и престарелых. Получив право на бесплатную вырубку леса и 30 тыс. руб. на его вывоз, немалая доля северных алтайцев продают лес и пускают выручку на спиртное. Другая проблема заключается в том, что вследствие уничтожения кедра оказалась подорвана традиционная система природопользования, испокон веков связанная с кедровой тайгой. В получении права на охоту для удовлетворения нужд многие видят возможность браконьерства и нарушают неписанные правила промысла. Наконец, создание «новой» Ассоциации КМНС республики и борьба за должность председателя, отсутствие школьных учебников и словарей по родному алтайскому

языку подводят к мысли о том, что языковая проблема становится предметом политических спекуляций [13].

Коренные малочисленные народы Алтая остаются создателями и хранителями уникальной культуры. Актуальными остаются проблемы укрепления самосознания на основе «финского типа» северных алтайцев и сохранения их родного языка. Невысокая численность народа, утрата основных черт традиционной культуры, рост числа смешанных браков способствуют этническому размыванию. Сложности внутриэтнических отношений групп алтайцев указывают на необходимость выработки общей стратегии возрождения на фоне этнокультурного дискурса.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РГНФ «Символы и атрибуты родовой потестарности алтайцев в этнополитическом дискурсе Республики Алтай» № 13-11-04005а(р), рук. Н. А. Тадина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гельмерсен Г. П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая / Пер. с нем. Д. Планера // Горный журнал. 1840. Т. II. Кн. 4. С. 17–57.
2. Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 400 с.
3. Кумандинцы на Алтае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php>
4. О национальном составе населения России по переписи 2010 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zemfort1983.livejournal.com>
5. Потапов Л. П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 316–323.
6. Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 52–66.
7. Потапов Л. П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 304–313.
8. Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. К. Д. Цивинной, Б. Е. Чистовой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
9. Сарбашева С. Б. Социолнгвистическая ситуация у тубинцев // Алтайская филология. Горно-Алтайск: ГАГУ РИО «Универ-Принт», 2001. С. 157–166.
10. Тадина Н. А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия АГУ. Сер. «История». 2008 № 4/2 (60). С. 178–184.
11. Тубалары (туба, черневые татары): Сборник науч. статей (очерков) и мат-лов, извлечений из трудов исследователей территории и населения Алтая XIX–XX вв. / Сост. С. Н. Тарбанакова. Горно-Алтайск: Барнаул: ООО «ИПП «Алтай»», 2009. 328 с.
12. Челканцы в исследованиях и материалах XX века / Отв. ред. Д. А. Функ. М.: Издание ИЭА РАН, 2000. 155 с.
13. Ябыштаев Т. С. О кризисе общественных отношений в Республике Алтай // Вестник ТГУ. 2012. № 4 (20). С. 161–164 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his>
14. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 2. 336 с.
15. Ярхо А. И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан: Хакоблиздат, 1947. 9 с.

Tadina N. A., Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)
Yabyshtaev T. S., Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)

“TURK IN LANGUAGE, FINNO-UGRIC PEOPLE IN APPEARANCE”: ON ETHNO-CULTURAL DISCOURSE OF NORTHERN ALTAIANS IN ALTAI REPUBLIC

The article is concerned with the problem of ethnic identity formation of the northern Altaians (Tubalars, Chelkans, Kumandins). The authors also deal with the process of “Finno-Ugric” identity actualization in Northern groups as different from southern Altaians with the focus on the role executed by the revival movement of ethnic leaders and the Association of Indigenous Peoples of the Altai Republic. The attempt to assert the “Finnish style” is based on the records of the first travelers, post-Soviet scientific collections, and Internet sites devoted to the northern group. Ethnic “otherness” is supported by the peculiar composition of the Seok-kin system and by appurtenance to the Uralic anthropological type and dialect. The latter two elements were a result of the Finno-Samoyed influence. Small numbers, losing their traditional culture in its basic features and the ever growing number of mixed marriages contribute to the process of ethnic decomposition. Ethnic and cultural discourse has unfolded the policy of collective identity development for Altaic Turkic groups. This community, traditional at its core, has long taken the path of inevitable modernization and Europeanization as Russification by learning ethnically neutral values and standards of behavior. Complexity of the inter-group relations indicates a need for common revival strategy against the background of the ethnic and cultural discourse.

Key words: Altaians, the northern groups, the ethnic revival, language problem

REFERENCES

1. Gel'mersen G. P. Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya [Teletskoye lake Teleuts Eastern Altai]. *Gornyy zhurnal*. 1840. Vol. II. Book 4. P. 17–57.
2. Kul'tura i traditsii korennykh narodov Severnogo Altaya [Culture and traditions of indigenous peoples of North Altai]. St. Petersburg, Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2008. 400 p.
3. *Kumandinty na Altae* [Kumandinians in Altai]. Available at: <http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php>
4. O natsional'nom sostave naseleniya Rossii po perepisi 2010 goda [On the national composition of the population of Russia for the 2010 Census]. Available at: <http://zemfort1983.livejournal.com>
5. Potapov L. P. Iz etnicheskoy istorii kumandintsev [Of ethnic history Kumandins]. *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Sredney Azii* [History, Archeology and Ethnography of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1968. P. 316–323.
6. Potapov L. P. Tubalary Gornogo Altaya [Tubalars Altai]. *Etnicheskaya istoriya narodov Azii* [Ethnic History of Asian Peoples]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1972. P. 52–66.
7. Potapov L. P. Zametka o proiskhozhdenii chelkantsev-lebedintsev [Article on the origin of Chelkans-Lebedins]. *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. P. 304–313.
8. Radlov V. V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary Pages]. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1989. 749 p.
9. Sarbasheva S. B. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya u tubintsev [Sociolinguistic situation in Tubintsev]. *Altayskaya filologiya* [Altay Philology]. Gorno-Altaysk, GAGU RIO "Univer-Print" Publ., 2001. P. 157–166.
10. Tadin N. A. Altaytsy: mezhdue «severom» i «yugom» (k probleme vnutritnicheskogo obshcheniya) [Altai: between "North" and "South" (to the Problem Intraethnic Communication)]. *Izvestiya AGU. Ser. "Istoriya"*. 2008. № 4/2 (60). P. 178–184.
11. *Tubalary (tuba, chernevyte tatars): Sbornik nauch. statey (ocherkov) i materialov, izvlecheniy iz trudov issl. territorii i naseleniya Altaya XIX–XX vv.* [Tubalars (Tuba, Tatars): Collection of Scientific Articles (Essays) and Materials extracted from the Research. Territory and Population of the Altai XIX–XX centuries]. Gorno-Altaysk; Barnaul: OOO «IPP "Altay" Publ., 2009. 328 p.
12. *Chelkantsey v issledovaniyakh i materialakh XX veka* [Chelkans in Research and Materials of XX Century]. Moscow, IEA RAN Publ., 2000. 155 p.
13. Yabyshtaev T. S. On the Crisis of Public Relations in the Republic of Altai [O krize obshchestvennykh otnosheniy v Respublike Altay]. *Vestnik TGU*. 2012. № 4 (20). P. 161–164. Available at: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his>
14. Yadrintsev N. M. *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian Natives, their Life and Current Situation]. Tyumen': Yu. Mandriki Publ., 2000. Vol. 2. 336 p.
15. Yarkho A. I. *Altae-Sayanskije tyurki. Antropologicheskij ocherk* [Altai-Sayan Turkic. Anthropological essay]. Abakan, Khakobizdat Publ., 1947. 9 p.

Поступила в редакцию 23.04.2012